

Г. ГОРОДЕЦКИЙ

Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г.

Нередко разрыв между западными союзниками и Россией, ставший очевидным в конце второй мировой войны, ретроспективно предстаёт как основная причина, обусловившая характер послевоенного политического урегулирования в Европе. Однако правильная оценка событий тех лет вряд ли возможна, если не вернуться к различиям в позициях союзников, которые появлялись сразу после нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 года, когда Советский Союз стал единственным сражающимся союзником Великобритании. Данная статья имеет целью рассмотреть следующие взаимосвязанные вопросы: могли ли англичане и русские согласовать собственные интересы, отбросив взаимные подозрения и недопонимание? Могли ли новые союзники воспользоваться изменением хода войны и заложить здоровую основу для сотрудничества, с тем, чтобы остановить нацизм?

Существующая концепция возникновения «Большого союза» восходит главным образом к авторитетным, но во многом искажённым и тенденциозным мемуарам У. Черчилля. Среди как западных, так и советских историков до сих пор прослеживалась тенденция некритического восприятия тезиса Черчилля, в соответствии с которым он в отличие от осторожничавших британских начальников штабов, не имевших определённой политической линии, отбросил в сторону свою известную враждебность по отношению к Советскому Союзу и вступил на путь последовательного партнёрства. Обширные британские архивные материалы, на ряду с опубликованными

документами к советского Министерства иностранных дел, дают иную картину.

Вопреки бытующему мнению, британская разведывательная служба не смогла вплоть до конца мая 1941 года полностью осознать вероятность германо-советской войны. Подобно Сталину, она полагала, что немцы сосредоточили свои войска на востоке для демонстрации силы на кануне переговоров с Советским Союзом. Впервые вопрос о возможности возникновения войны Объединенной разведывательный комитет (ОРК) британских вооруженных сил рассмотрел лишь 23 мая. Но и тогда, взвесив все «за» и «против», комитет пришел к выводу, что со стороны СССР «сотрудничество (с Германией. — *Ред.*) — наиболее вероятный вариант хода событий». Более свежая информация, поступившая 31 мая на основе перехвата связи вермахта, в определенной степени ставило под сравнение такой прогноз. В результате, хотя, как и прежде предполагалось, что Германия будет стремиться развить свои недавние успехи и укрепить позиции на Среднем Востоке, отныне не исключалась возможность «предъявления ее своих требований Совета под угрозой силы, что и может быть немедленно реализовано на практике».

Возможность войны рассматривалась англичанами в этом случае исключительно через призму дестабилизации обстановки, которая могла бы повлиять на британские интересы на Среднем Востоке и в Индии. О решимости Великобритании сохранить там свое господство свидетельствовало оккупации ею Сирии в начале июня 1941 года, а так же подталкивание Черчиллем командующего британскими войсками на Среднем Востоке генерала Уэйвелла¹ к отступлению операции «боевой топор»² — контрнаступление против Роммеля — в середине июне. Более того Уэйвелл получил указания быть готовым занять Ирак, что позволило бы британским ВВС «зажечь невиданный костер» в районе бакинских нефтепромыслов. По этой причине состоявшейся в начале июня беседы А. Идена с послом И. М. Майским так же имели свои цели на подготовку основ для сотрудничества, а скорее сохранение статус кво на Ближнем Востоке.

Когда же стало очевидно, что советско-германская война почти неизбежна, предубеждения и слабая информированность британских начальников штабов привела их к выводу: для вермахта, с обычно для нее тактикой, блицкриг предстоящая компания окажется простой прогулкой, которая продлится от 3 до 6 не-

дель. Ожидалось, что Москва будет захвачена, а основные силы Красной Армии уничтожены. Такая оценка оказалось главенствующей при координации последующей стратегий Великобритании советской стратегией. Теперь наибольшей интерес для английских начальников штабов представляла вероятность того, что нападение немцев на СССР задержит планировавшиеся ими вторжения на Британские острова по крайней мере на 8 недель, а это, в свою очередь, позволит английской армии удержать оборону на Ближнем и Среднем Востоке и активировать боевые действия в Северной Африке.

Таким образом, еще до того как Германия вторглась в Советский Союз, в Лондоне делались самые мрачные прогнозы относительно перспектив войны для СССР и возможности передышки для англичан. Британские начальники штабов получили рекомендацию не делать намеков на желательность союза СССР, а лишь выразить «сочувствие очередной жертвы немецкой агрессии». Даже Иден, в целом более благосклонно настроенный в отношении сближение с русскими, за несколько дней до начала боевых действий между Германией и СССР сделал важное уточнение: вместо того, чтобы стать «союзником Советского Союза» для Великобритании более предпочтительно иметь общего (с СССР. — *Ред.*) врага и общую цель, а именно — нанести Германии максимально большой ущерб.

На фоне таких рассуждений приводились доводы против оказания Советскому Союзу любой «эффективной помощи» из-за сложности географического порядка или против военно-морской помощи введу закрытости Балтийского и Черного морей для британского флота. В одной из записок Черчиллю Иден согласился с тем, что, поскольку британские силы «полностью задействованы» на Среднем Востоке, мало что можно предпринять, кроме интенсификации воздушных налетов на Францию. Даже после того как был сделан вывод о необходимости определенных шагов, британский ОРК продолжал едва ли не до самого начала германской агрессии против СССР изучать вероятность германо-советского соглашения, которая, по его определению, имела бы антибританский характер и ставила бы Советский Союз на другую сторону баррикад. Вполне естественно поэтому, англо-советское государство не могло не свестись к обмену информации и посланки представителей британских вооруженных сил в Москву.

Английские историки полностью игнорируют наиболее важный оперативный вывод, к которому пришел военный кабинет Великобритании за несколько дней до начала боевых действий на советско-германском фронте. Параллельно с широко распространённым мнением о неизбежности скорого нападения правительство в Москве присутствовала оценка, согласно которой дислоцированные в Сибири наиболее боеспособные части Красной Армии составляют ядро сопротивления, что продлит передышку для Англии. Поэтому решение британского кабинета от 13 июня направить военную миссию в Москву, не редко используемая историками как подтверждение приверженности Великобритании идеи союза с СССР, на самом деле, по мнению британских начальников штабов, имела цель «держать пар в котле». Приделы сотрудничества не двусмысленного конкретизировались в инструкциях командующих английскими войсками на различных театрах военных действий: «Сотрудничество не переходит в военный союз, равно как и нет каких-либо планов посылки вооруженных сил или поставок военных материалов».

Цель направления военной миссии в Москву вполне согласовывалось с поставкой вопроса об экономической помощи Советского Союза. На межведомственной встрече 17 июня было решено, что британский вклад может иметь единственную возможную форму — «благоприятные отношения в недалеком будущем». Чувство облегчения, которое война на Востоке, как ожидалось, принесет Великобритании, опять-таки во многом сводилось на нет предложением о неизбежности краха СССР. Поэтому не случайно британский военный кабинет получал рекомендации, с одной стороны, использовать неожиданную передышку для «проведения операций на Западе с отвлекающей целью», а с другой — не осуществлять поставки в Россию в виду ограниченности ресурсов и сложностей, возникающей в связи с проблемой коммуникаций.

Наконец, подробный обзор военной ситуации, сделанный Черчиллем в Комитете обороны на кануне германско-советской войны, не двусмысленно отразил не гибкость стратегического планирования англичан. Не смотря на ожидавшийся серьезный сдвиг в ходе второй мировой войны, Черчилль настойчиво продолжал свой курс на осуществление прежней средневосточной стратегии. Теперь, когда были обозначены приделы сотрудничества СССР, он информировал британский кабинет о своих

намерениях рассматривать гитлеровскую Германию как «ненасытного тирана, напавшего на Россию, с тем чтобы заполучить сырье для продолжения войны».

Для Советского правительства вероятность союза с Великобританией представлялось такой же отдаленной. Сталин не рассчитывал, что немцы будут вести войну на два фронта. Он ожидал, что Гитлер постарается уступить от России либо договориться с Великобританией до того, как напасть на СССР. Представители советского посольства в Лондоне неоднократно, даже после выступления Черчилля (вечером 22 июня. — *Ред.*), говорили о подозрениях советской стороны по поводу британского потворства германскому наступлению на Восток. «Все были уверены, — вспоминал посол СССР в Вашингтоне М. М. Литвинов, — что английский флот на всех парах мчится через Северное море, чтобы вместе с Гитлером атаковать Ленинград и Кронштадт». Находясь под гипнозом недавних успехов Германии на Балканах, Сталин еще больше, чем прежде, противился малейшим шагам, которые могли быть истолкованы немцами как провокация.

Этим объясняется сложное положение, в которой оказался советский посол в Лондоне И. М. Майский в первые дни после нападения Гитлера на СССР, когда Сталин по меньшей мере на неделю исчез «со сцены». Майский узнал о нашествии из утреннего выпуска ВВС и был вынужден даже отложить визит к Идену, пока не стало известно о советской позиции, изложенной в радио обращении Молотовым. На встрече с Иденом вечером того же дня Майский, казалось, был озабочен одним — возможностью сепаратного мира между Великобританией и Германией — и стремился заручиться соответствующими заверениями, что этого не произойдет. Не однократные беседы Майского с Иденом, имевшие место в первые дни войны, фокусировались на второстепенных проблемах: расширение культурных связей и создание более привлекательного образа СССР в британских средствах массовых информации.

Сдержанный на начальном этапе советский подход к Великобритании избавил и Идена и Черчилля от необходимости давать туманные обещания, чтобы подстегнуть советские военные усилия.

Возможно, известное выступление Черчилля по радио вечером 22 июня в этом смысле наиболее показательно. Его речь и отчет

о первых часах германо-советской войны отвлекли историков самых различных взглядов от более комплексного и точного анализа причин возникновения союза. Острота черчиллевской фразеологии нередко преподносится как свидетельство его готовности отбросить в сторону предрассудки и враждебность к коммунизму, когда того требует судьбы Британии и западной цивилизации. Известное высказывание Черчилля (в разговоре с его секретарем) — «если бы Гитлер вторгся в ад, я бы не остановился перед обращением за помощью к самому дьяволу» — по инерции используется для изображения его архитектором «Большого союза». Укоренившийся миф о таком «генезисе» союза не подтверждается архивными материалами. Как проципатально заметил Иден спустя несколько дней, Черчилль, отнюдь не давая каких-либо спонтанных обязательств со стороны Великобритании, «в присущей ему одному манере» лишь декларировал миру ранее принятые решения. Речь Черчилля, действительно, подтверждает его политическую гениальность, которая была мастерски применена для примирения конфликтующих тенденций и удовлетворения ожиданий противостоящих политических сил. Как было показано, мотивы оказания помощи России, ее характер и особенно пределы — все было продумано заранее. На самом деле, изучение в этом свете первых же слов речи Черчилля показывает его обеспокоенность тем, что крах СССР окажется «лишь ступенькой» в марше гитлеровцев в направлении Азии, а точнее Индии и Китая, с целью захвата нефтяных ресурсов, столь необходимых для их военной машины.

Далее. Историков вводило в заблуждение обязательства Черчилля вести борьбу с нацизмом до победного конца, данное в ходе ответственных парламентских дебатов, где в центре стояли вопросы о способах и средствах введения войны. Но в этом случае с помощью риторики Черчилль прикрывал отсутствие каких-либо крупных корректив в своей стратегии ссылкой на все возраставшее беспокойство Советов (о котором он узнал от Майского накануне своего выступления): «Мы никогда не пойдем на переговоры, мы не будем вести переговоры с Гитлером, ни с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на воде, мы будем сражаться с ним в воздухе». Следуя рекомендациям Форин оффис, Черчилль воздерживался в своей речи от использования термина «союзник». Обещание помощи Советскому Союзу было выражено в таких фразах, конкретный

смысл которых, не сразу доходил до слушателя из-за выспреннего стиля оратора: «*Всякий, кто сражается с нацизмом, может рассчитывать на нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю посильную помощь*». Техническое и экономическое содействие недвусмысленно сводилось к «*тому, что в наших силах*». Смысл британской стратегии не ясен из этой нередко цитируемой части выступления Черчилля. Он скорее содержится в оценке фашистской агрессии против СССР, которая есть «*лишь прилюдная к попытке вторжения на Британские острова*». Отсюда, делал вывод Черчилль, опасность, грозящая Россия, это опасность, грозящая Великобритании.

Директива начальникам штабов, которую Черчилль направил на следующий день, гораздо четче, нежели его речь, формулировала устанавливавшиеся пределы сотрудничества с СССР, а также конкретные действия, предпринимавшиеся английским правительством в свете начавшейся реализации гитлеровского плана «*Барбаросса*». На первый взгляд директива представляет собой своевременный (быть может, даже первый) призыв к созданию второго фронта во Франции. В действительности же Черчилль, разделяя опасения командования британских сухопутных войск относительно немецкого вторжения в Англию, дословно следовал более ранним рекомендациям своих генералов, призывавших использовать временную вовлеченность немцев в войну на Востоке. «*Сейчас, когда враг занят в России, — писал он, — самое время «ковать железо, пока горячо»*». Его оперативные указания были нацелены на краткосрочные преимущества, которые британская армия могла извлечь из германо-советской войны. Поэтому директива ориентировала на срыв немецких приготовлений на континенте к вторжению на Британские острова.

Более осторожные британские военачальники выступали за проведение небольшого рейда на материк, который, как максимум, мог иметь лишь психологический эффект. Но фактически они соглашались с мнением Черчилля, считавшего, что наибольшую отдачу от использования имевшихся сил и средств можно получить на Среднем Востоке; поэтому они настаивали, чтобы силы и средства, предназначенные для других операций, не перенацеливались на действия в Европе. Хотя их планирование было еще в зачаточной стадии, эти операции сплошь и рядом изображались как основное препятствие для любых отвлекающих действий на континенте. Между тем заместитель

министра иностранных дел — А. Кадоган³ свидетельствовал, что даже 21 июля ни члены кабинета, ни начальники штабов не могли точно сказать, как далеко Канарские острова отстоят от материка. «Бог мой! — писал он. — И это после Намсоса и Крита! Александер говорит, что здесь все 500 миль (у меня выходило 120). Паунд, проводивший грубый замер по меркаторской карте на стене, утверждает, что примерно 150! Кошмар, да и только».

Предварительный анализ показывал, что возможность посредством рейда отвлечь крупные силы противника с восточного фронта сомнительна. Внимание было сосредоточено на кратковременных выгодах для британской армии. Мрачная перспектива краха СССР означала, что «ввиду ограниченного времени» подготовка и осуществление этой операции «должны рассматриваться как чрезвычайно срочные». Намеченные объекты: «Дюнкерк — полевые склады, хранилища и баржи; мыс Гри Не — артиллерия на железнодорожных платформах; отметка О Уа — склады и хранилища; фор д'Ардело — десантные баржи, военный штаб» — определено указывали на то, что цель рейда состояла в срыве немецкого вторжения на Британские острова.

Руководитель предназначенных для операции войск указал на трудности, делавшие невозможными даже эти ограниченные по масштабам боевые действия. В свете общих стратегических установок было ясно, что выделенных десантно-штурмовых кораблей хватит на высадку в лучшем случае одной бригады, но никак не 20 тыс. человек, как представлялось Черчиллю. Поэтому взамен операции британские начальники штабов высказались в пользу реализации первоначальной идеи: организовать сопротивление на оккупированной немцами части России и уничтожить захваченные ими нефтепромыслы.

Тем временем главой направлявшейся в Москву британской военной миссии был назначен генерал-лейтенант М. Макфарлан, весьма эксцентричный офицер разведки. Делегация пребывала в полном скептицизме относительно перспектив выживания России. Директивы, полученные миссией, не оставляли сомнений относительно ее целей. Прочное сотрудничество рассматривалось как отдаленная возможность, в то время как инструкции Лондона исходили из предположения о вероятном поражении России. Макфарлан не имел никаких полномочий начинать переговоры

по вопросам помощи Советскому Союзу и союзной стратегии. Его основная задача состояла в преодолении недоверия советской стороны к ее союзнику и поощрении возможно более длительного сопротивления СССР агрессору. В случае краха России генералу рекомендовалось организовать из числа своих офицеров боевые группы и начать партизанскую борьбу. Если бы это оказалось невозможным, ему предстояло «попытаться пробиться в Индию через Памир». «Но, — как иронически заметил начальник британского генерального штаба генерал Дилл, — это была бы очень долгая прогулка». Английские военно-морские офицеры имели задачу убедить русских в необходимости уничтожить все портовые сооружения, сделав их непригодными «для использования», а советский Северный флот либо направить британские воды, либо затопить. В свете таких установок не приходится удивляться скептицизму членов миссии по поводу перспектив выживания России. Министр по вопросам экономической войны Х. Дальтон⁴ отмечал, что, покидая Англию, М. Макфарлан был «крайне удручен и не хотел ехать. Во всяком случае, русские были ему не по душе... По его мнению, русские и не продержатся и трех недель».

Военная миссия прибыла в Архангельск в первых числах июля 1941 года после 19-часового беспосадочного полета на самолетах «Каталина» по свидетельству возможному прямому маршруту, соединявшему тогда две стороны. В Москве она была принята Наркомом ВМФ адмиралом Н. Г. Кузнецовым⁵. Из первого же выступления Макфарлана стали ясны ее цели: поднять морально-психологическое состояние советских людей, подбодрить их в борьбе с противником. Великобритания и Россия, подчеркнул он, «отныне плечом к плечу сражаются против общего врага». Прибытие английских военных представителей «подтверждает стремление трех видов британских вооруженных сил оказать всю возможную помощь сражающимся силам Советского Союза».

Вскоре посол С. Криппс представил членов миссии Молотову. Как и Макфарлан, посол отметил моральный эффект ее нахождения в Москве, что отражало «решимость британского народа сотрудничать максимальной степени с гражданами Советского Союза в ходе их общей отныне борьбы». Довольно небольшой состав миссии посол объяснил ограниченными возможностями воздушного сообщения. Русские, однако, оставили без внима-

ния скромные обязательства англичан. В те первые дни войны они, по всей видимости, всецело были во власти мифических предположений о британском попустительстве развязыванию германо-советской войны, а также слабости британского военного потенциала. Проницательные наблюдатели в Москве отмечали, что «недоверие и подозрение в отношении Великобритании продолжают». Английских военных, представителей, казалась, скорее «терпели, нежели использовали по максимуму». Действительно, когда Молотов встретился с Криппсом после возвращения последнего в Москву, его интересовали лишь объяснения посла по поводу недавнего полета заместителя Гитлера Р. Гесса в Англию, приятного, как утверждали, с миссией мира.

У Сталина глубоко укоренились подозрения о возможных германо-британских мирных переговорах. Хорошо зная об ожиданиях в Британии крах СССР, он не без основания опасался, что настойчивое стремление англичан заполучить информационные данные о состоянии советского флота и тыла продиктованного лишь необходимостью прогнозирования длительности «передышки», которую они получили благодаря открывшемуся советско-германскому фронту. Русские понимают, что британские начальники штабов могут отказаться от связанной с риском посылки людей и техники в виду крайне сложной ситуации на фронте. Поэтому им пришлось обратить внимание англичан на критическую обстановку на фронте и одновременно вселить в них веру в свою способность выстоять.

Запись в дневнике Криппса гласит: «Дни сменяют дни, а мы по-прежнему можем оставаться в Москве. Это ободряет, и надежда растёт. Русские выглядят спокойными и уверенными по поводу ближайшей цели, хотя прекрасно понимают, какая мощь давит на них».

Быстрая переоценка Макфарланом и Криппсом состояние дел на советском театре военных действий основывалась на не данных, полученный из первых рук, а на ощущение решимости и уверенности, чувствовавшееся в кремле. Различной оценке советской перспективы в Москве и Лондоне составили, таким образом, центральный пункт развернувшихся дебатов по стратегическим вопросам.

Своими мемуарами Черчилль направил историков по неверной дорожке, заявив, что трудности, с которыми пришлось столкнуться при создании союза, объясняются тем, что Сталин

настаивал на открытии второго фронта, а это являлось стратегической ошибкой. На самом же деле второй фронт далеко не сразу стал основным объектом спора при планировании союзной стратегии. Идеи создания второго фронта во Франции впервые были подняты в Лондоне еще до того, как Сталин сумел прийти в себя после длительного отступления Красной Армии. Побуждаемый Майским лорд Бивербрук, выступавший теперь сторонником оказания помощи Советскому Союзу, соглашался с тем, что при соответствующем давлении британский кабинет мог бы сделать больше, направил британский флот в район Мурманска в то время, как сухопутные войска могли бы «осуществить крупные рейды и на побережье Франции». Тем самым Бивербрук оспаривал позицию британских начальников штабов, полагавших что «было бы глупостью бросать наши все еще ограниченные ресурсы на помощь союзнику, чьи армии, хотя и не находятся в полном беспорядке, тем не менее по всюду отступают. Чем больше материала мы туда посылаем... тем больше их попадет в руки противника. И наши собственные танки и самолеты неизбежно будут повернуты против нас на западе. Самое большое, что Россия в состоянии для нас сделать, это обеспечить нам передышку, в ходе которой мы сможем нарастить наши вооружения настолько, насколько это возможно».

Чтобы побудить Сталина скрепить союз, Майский представил собственные идеи как «предложение самого» Бивербрука. В результате инициативы посла советская стратегия отныне имела перед собой два возможных пути. Первый основался на реальной оценке предложения Бивербрука о крупном десанте во Франции. Но оно не согласовывалось с имевшейся информацией о британских намерениях. Кроме того, Сталин имел не высокое мнение о британской пехоте и поэтому был не в восторге от идеи высадки десанта.

Второй путь представлялся куда более конкретным и желательным. Более того он вписывался в советские приоритеты, основывавшиеся на долгосрочной стратегии. Высокая оценка Сталиным сил британского флота привела к пожеланию, чтобы флот обеспечивал морские коммуникации, что было крайне необходимо для снабжения. Не случайно в ходе первого месяца войны русские направляли свои усилия не на создания второго флота, а на так называемую «Мурманскую операцию»⁶. Имелось в виду расширить британское военно-морское присутствие

в Северном море, нарушить немецкое судоходство в норвежских фиордах и обеспечить фланги советских войск, оборонявших подступы к Мурманску. Главы британской военно-морской миссии адмирал Майлс тотчас высказал различные доводы против этой операции. Но основное возражение выдвигало британское Адмиралтейство, которое полагало, что такая операция неминуемо приведет к уничтожению советского Северного флота, чего оно стремилось не допустить.

Вскоре русские поняли, что военная миссия не имеет полномочий на организацию действительного военного сотрудничества. Несмотря на общие улучшения атмосферы в двух сторонних отношениях, военные проблемы оставались, как заметил в дневнике Криппс, «крайне сложными». Криппса все более удручала позиция членов британского кабинета: «они хотят иметь от сотрудничества одни лишь выгоды, не давая ничего в замен... С русскими весьма легко иметь дело, они готовы к взаимодействию и настроены весьма дружелюбно по любым вопросам. Задача в данный момент состоит в том, чтобы добиться также готовности к сотрудничеству наших людей в Лондоне».

Криппс и Макфарлан уточняли, что прорыв в отношениях требуется лишь в Лондоне. Оба были убеждены, что успех дальнейших переговоров зависит от того, будет ли пересмотрено британская «большая стратегия». В связи с этим накануне отъезда советской военной миссии в Лондон Криппс писал Черчиллю: «Сегодня от нас требуется, прежде всего, шаги, которые продемонстрировали бы наши желания помочь, если понадобится, даже за счет собственного риска. По моему мнению, необходимы какие-то немедленные действия с нашей стороны, направленные на оказание конкретной помощи, не считая усиления воздушных бомбардировок противника. Вполне возможно, что сегодня мы не в состоянии сделать больше, чем устроить демонстрацию силы в районе Мурманска или на побережье Франции, но такая демонстрация, если ее не откладывать, принесла бы огромные дивиденды, резко повысив моральный дух и решимость русских. Они понимают, что их борьба значит для нас, и поэтому вполне естественно, что и от нас они ждут каких-то практических действий в ответ на помощь нам».

Опираясь на слухи, преобладавшие в Лондоне, Криппс в частном письме предупреждал: если Англия в полной мере и искренним образом не предоставит русским все необходимое, что

помогло бы усилить их сопротивление агрессору, то это будет означать, что Великобритания «поощряет их крах».

Макфарлан действовал аналогичным образом, не соглашаясь со стратегическими взглядами британских начальников штабов, предполагавших скорый разгром СССР. Он тоже подчеркивал «сомнительную ценность» отвлекающих операций «с политической точки зрения». В Лондоне Иден просил Черчилля тщательно сопоставить выгоды от вспомогательных операций с преимуществами, получаемыми в результате удара по занятой немцами береговой линии во Франции. Он высказал сомнения по поводу устных обязательств Черчилля, которые вряд ли убедят Сталина, «если не будут подкреплены конкретными обещаниями военной помощи».

Британских начальников штабов все это мало трогало. Генерал Дилл рассматривал сближение с русских главным образом как бремя. Он высказывал опасения, что Британию «втягивают в ложное положение и могут вынудить предпринять неоправданную военную акцию по политическим мотивам». «Не мы, а русские просят помощи, писал он Макфарлану. — Если они собираются сражаться, они будут сражаться, но за собственные жизни, а не для того, чтобы помочь нам разгромить Германию. Поэтому и полагаю, что наши позиция должна сводиться к следующему: наши дела в борьбе с Германией идут вполне удачно, особенно если учесть, что помощь из Америки все растет, а ход событий все более подтверждает, что рано или поздно США вступит в войну. Все наши ресурсы ныне подчинены достижению определенной цели-выиграть войну, не рассчитывая на помощь русских». В свете сказанного британские военачальники продолжали придерживаться прежней установки на обеспечение более длительного советского сопротивления немцам, а главное, исключение возможности использования противником советской нефти. «Если гунны прорвутся к Кавказу, — говорил Дальтон, — уничтожение нефтяных промыслов будет нашей главной задачей».

Однако не ослабевавшие требования русских открыть боевые действия на Севере, а также усиливавшаяся критика со стороны Криппса, Макфарлана, Бивербрука и Идена привели к возобновлению в Лондоне дебатов по стратегическим вопросам. Оживлению споров содействовала и все возрастающая готовность американцев оказать русским материальную помощь, что гро-

зило нарушить стройность британской стратегической линии. В Лондоне поняли: придется пойти на определенные жертвы. Тотчас разгорелись споры, кому — военно-морскому ведомству или военному министерству — нести основное бремя. В начале июля, в первые после нападения гитлеровской Германии на СССР, было созвано заседание Комитета обороны Великобритании для рассмотрения советских требований. Военное министерство в своем решительном меморандуме настаивало на «сохранении приоритетов», предусмотренных ранее. Любое отклонение от них произошло бы «за счет безопасности страны, и мы не можем более откладывать завершение нашей программы-минимум по предотвращению германского вторжения». Адмирал флота Паунд⁷, словно забыв о советской концепции массивной и экстенсивной помощи, коснулся лишь просьбы Советского Союза о прикрытии фланга обороны Мурманска, с чем он был решительно не согласен. Вместо этого он предложил провести вспомогательную операцию силами авианосной группы с целью нанесения удара по немецким судам, укрывавшимся в фиордах вблизи Печенги.

Дискуссия показала взаимозависимость вопросов военно-морской помощи, рейдов на побережье Франции и продолжавшегося укрепления британских позиций на Среднем Востоке. Черчилль, внимание которого начальники штабов вновь обратили на то обстоятельство, что любой рейд на побережье Франции вынудит англичан провести перегруппировку сил и средств и прекратить планирование дальнейшей операции, аннулируя свои первоначальные рекомендации и поддержал идею Паунда об ограниченной военно-морской помощи России. Не смотря на робкий протест Идена он исключил вероятность даже большого рейда на материк, рассматривал его как «наиболее неадекватной и несоответствующей по своим масштабам общей военной ситуации».

В написанном высоким стилем послание Сталину Черчилль еще более разграничил пределы сотрудничества. Выразив восхищение «сильным и решительным сопротивлением» Советского Союза и «стойкостью его солдат и народа», он дал расплывчатое обещание «помощи, которую позволяют оказать время, география и наши растущие ресурсы». Избегая упоминания об отвлекающих ударах во Франции, Черчилль указал на возможность реализации согласованных планов ограниченного взаимодействия в Арктике. Приманка была приготовлена в конце послания в виде фразы: «чем дольше длится война, тем большую помощь мы можем

оказать». Такое высказывание имело целью побудить русских к продолжению борьбы и, естественно, продлить передышку для Англии.

Как и опасался Иден, Сталина не ввели в заблуждения туманные обещания Черчилля. Вновь взяв бразды правления в свои руки после явного нервного срыва в первые дни войны, Сталин в своем послании выражал не удовольствие тем, что заявления Черчилля ни к чему не обязывают Великобританию. Сдержанный в целом тон ответа объяснялся преследовавшим его страхом перед британско-германским примирением. По этой причине он стремился связать Англию договором «чисто общего характера», который «создавал бы основу для наших совместных усилий». 12 июля такой договор и был подписан в Кремле. В крайне туманных и общих выражениях он закрепил согласие относительно взаимной помощи «без уточнения объёма и характера», но каждая сторона обязывалась не заключать сепаратный мир с Германией.

Что касается позиции военного министерства, то как свидетельствует Г. Никольсон, на ней не могли не отразиться, во-первых, еще бытовавшие «политические предубеждения, а во-вторых, физическая ликвидация Сталиным большинства старших офицеров Красной Армии». Поскольку военное ведомство не пытало надежд относительно перспектив советского сопротивления агрессору, предварительных дискуссий о совместной стратегии не приводилось. Следовательно, установки британских начальников штабов на предстоявшие переговоры с советской военной миссией сводились к тому, что основная задача британской стороны заключается опять-таки в том, чтобы как можно дольше сохранить Россию воюющей державой. Притворной сердечностью пытались «подбодрить» русских и прикрыть тот факт, что Англия «не связана союзными узами с Россией» и «всецело ей не доверяет». Для нейтрализации господствовавшей в военном ведомстве тенденции «возражать против прибытия (советской. — Г. Г.) военной миссии» Форин оффис предпринимал отчаянные усилия, чтобы обеспечить переговорам плавный ход. Начальникам штабов рекомендовалось демонстрировать, по крайней мере, «внешнее сердечное обхождение с русскими... Для создания атмосферы дружелюбия нам следует, не жалея себя, развлекать членов миссии, причем завтрак в их честь должен быть обилен, насколько это возможно». Учитывая, что «Русские

крайне пристрастны к алкогольным напиткам», рекомендовалось также часто устраивать для них коктейли.

Советская военная миссия во главе с заместителем начальником генштаба генералом Ф. И. Голиковым⁸ прибыло в Лондон 8 июля. На следующий день она провела серию встреч с А. Иденом, госсекретарём по вопросам обороны Д. Марджессоном и британскими начальниками штабов. Голиков изложил суть позиции СССР в соответствии со взглядами Сталина, не оставившими сомнений относительно приоритетов советского руководства. Первейшей задачей было «создание общего фронта борьбы на севере Европы совместно с англичанами». Сталин ясно проинструктировал Голикова, что подобная операция «совершенно необходимо для обеспечения морских коммуникаций как между СССР и Великобританией, так и между СССР и США». Что касается «французской операции», а также наступления на Балканах, то им отводилась «резервная роль с точки зрения и времени и выделяемых средств». Аналогичным образом в центре внимания переговоров оказалось занятие островов Шлициберген и Медвежий, важных для британского военноморского присутствия на Севере и обеспечения безопасного прохода в Мурманск.

На встречах с представителями различных видов британских вооруженных сил то и дело давало о себе знать глубоко укоренившееся взаимное недоверие. Марджессон не соизволил пожать руки членам миссии и не предложил им сесть в ходе короткой встречи. Он ясно дал понять, что «мало верит в победу Красной Армии и жизнеспособность советской политической системы». Не смогла сломать лед недоверия и встреча с начальниками штабов, на которой председательствовал адмирал Паунд, хотя они и отличались несколько большей теплотой. Идя по стопам Черчилля, Паунд предпочел выразить «восхищение... борьбой русских вооруженных сил», но фактически дал понять визитерам, что для него было бы «ужасно» оказаться с ними в одной компании. Он торопился и не скрывал, что его ждут более важные дела, чем переговоры с большевиками о их «несерьезных проектах». На следующий день Паунд убеждал британских военачальников отклонить советское предложение об организации операции на Севере, ибо это, по его словам, «означало бы несерьезное обязательство» перед СССР. Чувствовалось, что русские, очевидно, не замечают «сложности проблемы обеспечения

тыла». Весьма оригинальной находкой британской стороны было согласованное решение вручить русским вопросник, который не только обеспечил бы начальников штабов интересовавшей их информацией, но способствовал бы «просвещению русских по затрагивавшимся проблемам».

Однако в намечавшиеся итоги переговоров пришлось вносить коррективы в следствие все большей причастности американцев к англо-советскому диалогу. Москва не заставила себя ждать и быстро подсказала своеобразное «разделение труда», экономическими вопросами должна заниматься американская сторона, а решение транспортных проблем снабжения, равно как и согласование военных вопросов в целом, становилось предметом заботы англичан, 29 июня английской и американкой сторонам был предъявлен огромный перечень того, в чем нуждается СССР. По предлагавшемуся плану обширной помощи он брал на себя организацию конвоев аналогичных англо-американским, действовавшим в Атлантике.

К началу июля 1941 г. начальнику штаба сухопутных сил США генералу Дж. Маршаллу удалось убедить Ф. Рузвельта в сомнительной ценности британской стратегии на Среднем Востоке. В результате Рузвельт предложил перераспределить американские ресурсы, создав трехсторонний комитет с участием англичан. Г. Голкинс, влиятельный личный советник Рузвельта, перед отбытием в Лондон заявил советскому послу в Вашингтоне: англичане должны быть «достаточно благоразумны», чтобы понять, что Советский Союз имеет право на свою долю американских ресурсов. Далее он нарисовал достаточно полную картину политического соперничества в Вашингтоне и посоветовал русским заручиться содействием влиятельных лиц в промышленных и военных кругах для того, чтобы преодолеть оппозицию тех, кто выступает против сотрудничества с ними.

Черчилль узнал о коррективах в позиции Рузвельта, когда переговоры с советской военной миссией уже начались. Посол в США Галифакс информировал его: по мнению Рузвельта, нападение Гитлера на СССР означает, что ситуация отныне будет меняться очень быстро и скоро Америка вступит в войну. Далее посол сообщал: американские высшие военные руководители полагают, что, хотя поражение России нельзя исключать, ситуация на данную минуту и в ближайшем будущем представляется

весьма неплохой и русские держаться просто замечательно. Черчилля не могли не настораживать все более частые намеки Майского и Криппса на возможность сепаратного мира, который, как он опасался, являлся бы страшным разочарованием для общественности. Но Черчилль думал прежде всего о выгодах, получаемых Великобританией в том случае, если бы русские сумели продержаться на полях сражений хотя бы до наступления зимы.

Решение английского премьер-министра в пользу обширной помощи Советскому Союзу и ограниченных действий на Севере было принято. Британскому флоту предстояло взять на себя основное бремя сотрудничества с русскими. После того как начальники штабов отвергли советские предложения, Черчилль свое властью отменил решение адмирала Паунда и приказал ему направить небольшой эскадру кораблей в Арктику. Но и в этом случае эскадриа была поставлена общая задача — «установить взаимодействия и действовать вместе с военно-морскими силами русских».

Вследствие бесплодности переговоров в Лондоне и успеха аналогичных переговоров в Вашингтоне русские отныне явно отдавали приоритет поставкам из США. Голикова отозвали в Москву для консультаций, в результате которых было решено продолжать давление на англичан для осуществлений совместных операций морскими и воздушными силами обеих стран при поддержке советской пехоты против немецких войск на севере Норвегии и по занятию островов Шпицберген и Медвежий. И та и другая операция, как заявил Голиков после возвращения из Москвы, «крайне необходимы для установления надежных коммуникаций между СССР и Англии, а также СССР и США». Что касается поставок, то ключ к решению этой проблемы лежал в Вашингтоне, куда Голиков и был срочно направлен.

Некоторые историки излишне заостряют внимание на требовании Сталина к Черчиллю открыть второй фронт во Франции, изложенном им в послании от 21 июля 1941 г. (Указана дата получения письма. — *Ред.*). Это требование во многом сводилось на нет признанием «трудности создания такого фронта». Советским Верховным Главнокомандующим фактически утверждалось, что в связи с неизбежными сложностями «легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия морских и воздушных сил без высадки войск и артиллерии».

Основная цель, которой добивалась советская сторона, настаивая на операции на Севере, — обеспечение коммуникацией как основы долгосрочного обширного сотрудничества — британских разработках совершенно отсутствовала. Начальники штабов продолжали утверждать, что Великобритания не может выделить военно-морские и военно-воздушные силы, «не нанося ущерб другим, более важным планам». Помня, однако, о давлении со стороны Черчилля, они согласились, что сотрудничество с русскими оправдано «не столько с точки зрения военной для нас выгоды, сколько для демонстрации политического и психологического эффекта «пожатие рук». С большим скрипом они дали согласие на проведение краткосрочной и малозаметной операции на Шпицбергене, выразившейся в эвакуации советских и норвежских горников с острова и посылки двух авиаэскадрилий в Мурманск.

Черчилль исходил из того, что такие меры помогут снять сиюминутное давление русских, настаивавших на открытие второго фронта, и отложить принятое решение по более конкретным и длительным военно-морским обязательствам Великобритании на Севере. По этой же причине он восторженно приветствовал совместную оккупацию Ирана, что полностью вписывалось в британскую стратегию на Среднем Востоке. Черчилль оказывал исключительное давление на генерала Окинлека с тем, чтобы тот начал наступление в Северной Америке, входившей в сферу британских интересов.

После этого английскому премьеру оставалось лишь продемонстрировать советской стороне свое искусство срывать принятие решений с помощью риторики. Отвергнув идею крупного рейда на побережье Франции, он вновь стал умолять Сталина «осознать ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением». Попытка десанта, резюмировал он, «означала бы кровопролитное поражение, а большие набеги привели бы лишь к неудачам». Исходя из стремления британских начальников штабов ограничить боевые действия на Севере. Черчилль, избегая обязательств от своего имени предпочел нарисовать программу «последовательных шагов» в зависимости от «менявшихся обязательств». Вопрос о постоянном присутствии британского флота на Севере, являвшейся квинтэссенции советских стратегических потребностей, упоминался весьма туманно как отдаленная перспек-

тива. Последовавший в конце июля поток телеграмм Черчилля Сталину ясно свидетельствует о намерении английского премьер-министра парировать советское требование о разработке совместной стратегии моральной поддержкой и предложением о поставках. Иден не одобрил линию Черчилля, проводившуюся весьма последовательно с начала войны на Востоке. Риторика, полагал он, очевидно, теряет свой эффект, ибо стиль Черчилля «становится таким сентиментальным и витиеватым... что грозит произвести наихудшее впечатление на Сталина, для которого пустая болтовня не заменит пушек. Беспокоит, как мало мы можем помочь России военными действиями... Медлительность и отсутствие воображение у наших начальников штабов могут испугать кого угодно».

То, что риторика перестает «работать», стало ясно 23 июля 1941 г., когда Голиков остановился в Лондоне по пути в Вашингтон. Он понял, что борьба на советско-германском фронте не изменила исходных концепций британской стратегии. Кроме того, у него сложилось впечатление, что контраргументы англичан по поводу второго фронта и операции на Севере тесно увязаны с британскими планами возобновления активных боевых действий на Среднем востоке.

Подвижка в сторону сближения Соединёнными Штатами стали ясно из указания Сталина Голикову следовать в Вашингтон, чтобы «более энергично заняться вопросом о военных поставках». Кроме того, вместо Голикова главой миссии вскоре должен был стать адмирал Н. М. Харламов, чья принадлежность к ВМФ, а также командный пост, занимаемый им в годы службы на Северном море, недвусмысленно указывали на первостепенное значение, которое русские предавали организации перебросок грузов в СССР морским путем.

Из откровенного разговора с Иденом и Паундом состоявшегося 23 июля, Голикову стало ясна нереальность быстрого открытия второго фронта во Франции. Он не скрывал значения военных поставок для Советского Союза и высказывал уверенность в понимании важности этой проблемы американцами. Операции на Севере, прямо заявил глава советской миссии, это предпосылка к «созданию маршрута Гренландия-Исландия-Шпицберген для транзита грузов в Россию». Паунд со своей стороны не утаил от Голикова, что действие кораблей и авиации по проводке конвоев будет носить временный характер, поскольку все суда

«должны вернуться после выполнения задач, ибо они нужны для выполнения других операций».

Черчилль призвал своих начальников штабов сделать все возможное, чтобы «помочь и подбодрить» русских. На заседании военного кабинета он отверг возражение Паунда против посылки трех авиаэскадрилий в Мурманск. По его словам, направление британских самолётов в этот город «предаст совершенно иной вид нашему сотрудничеству с русскими в регионе, сделав его эффективным». Подобный жест, однако, не оправдал надежд русских.

Если военные операции были фактически исключены из планирования, то не прекращавшиеся советские требования «поставок военных материалов» больше игнорировать было нельзя. Майский дал ясно понять Идену, что, «не имея возможности, как заметил премьер-министр Великобритании, преодолеть трудности в организации каких-либо действий во Франции, Англия несомненно могла бы сделать больше, чем то, что она делает, чтобы помочь России поставками». Визит Гопкинса в Лондон окончательно прояснил, что американцы благоприятно настроены к перераспределению ресурсов и «совместное, между американскими и нашими (английскими - *Ред.*) компетентными лицами обсуждение масштабов и способов оказания материальной помощи России было бы полезным».

Усилия советских представителей получить материальную помощь от США увенчались успехом. В начале августа 1941 г. американцы создали специальную организацию для определения квот и транспортировки грузов. Эти первые шаги подготовили почву для визита А. Гарримана и У. Бевербрука в Москву в конце сентября 1941 г., а также для налаживания системы северных конвоев.

Итак, британская стратегия применительно к войне гитлеровской Германии против СССР формировалась на основе предположение о скором поражении Советского Союза. Продолжавшиеся сопротивления Красной Армии, а также создание союза СССР с Великобританией не вызывали существенных изменений в этой стратегии. Поэтому даже ограничения цели, которые преследовали русские на начальном этапе в отношении с их британским партнёром, например, стремление заручиться долгосрочным обязательством англичан осуществлять «Мурманскую операцию», совершенно не соответствовали прогнозам британских началь-

ников штабов, рассчитывавших, как максимум, на успешное отступление советских войск и затопление кораблей Северного флота.

Затягивание войны на Востоке в лучшем случае устраняла непосредственную утрату Великобритании и давало ей передышку, столь необходимую для подготовки наступления на Среднем Востоке. По этой причине англичане оставляли долгосрочную стратегию неизменной, полагая, что британских самолетов, кораблей и экономических ресурсов в целом, к тому же подкрепленных американским оружием окажется достаточно, чтобы серьезным образом ослабить Германию и вынудить ее перейти в 1942 г. к обороне. Поэтому от британской стратегии требовалось лишь обеспечить усиление экономической блокады Германии при сохранении английской позиции на Среднем и Дальнем Востоке. Что касается русских, то в Лондоне считали: они «спасут себя точно так же, как мы спасли себя в ходе битвы за Англию на просторах Атлантики».

По мере того как шансы СССР на выживание повышались, росла и необходимость в совершенствовании союза — и по политическим, и по военным мотивам. Естественно, стремление к усилению взаимодействия исходила прежде всего от русских, но отчасти и от англичан. Криппс первым открыто выступил с упреками в адрес своего правительства за «недооценку огромного, жизненно важного значения этого (второго. — *Ред.*) фронта для Британии как нашей единственной гарантии в будущем». Он попал в точку, указав, что «в общей военной директиве отсутствует понимание такого факта, что этот фронт точно такой же, как наш внутренней фронт или как наш фронт на Среднем Востоке». И в заключении Криппс отметил: «До тех пор вся атмосфера дышала осторожностью, словно мы ждали, что русские в любой момент потерпят крах, и все смотрели где же немцы одержат свой очередной успех, с тем чтобы подготовиться и попытаться отразить все их последующие удары... Это — пораженческое настроение, в результате чего наша помощь постоянно запаздывает и не имеет того решительного значения, какое могло иметь».

Ретроспекция нередко подводит историков к выводу о том, что яростные дебаты по поводу второго фронта в 1942–1943 гг., а также противоречия, проявившиеся на конференциях высших руководителей государств-союзников в конце войны были глав-

ными причинами раскола внутри антигитлеровской коалиции. Что касается генезиса союза, то целые поколения историков воспитывались на мифе, творцом которого был Черчилль. Этот миф, подкрепленный многотонной «историей второй мировой войны», живописует предвидение Черчилля, ожидавшего вторжения Гитлера в СССР, и те решительные усилия, которые он предпринимал, чтобы привести британскую стратегию в соответствие с новыми условиями. Для объяснения постепенного отхода партнёров по союзу друг от друга благожелательность Черчилля противопоставляется неблагодарности Сталина.

Предоставляется, однако, что семена раздора были посеяны уже в момент рождения «Большого союза». Русский фронт рассматривался англичанами как желательная, но недолгая передышка. Понятия коалиционной войны, не говоря уже об отдаленной политической перспективе послевоенной позиции СССР было чуждо стратегическому мышлению Лондона. В своих дискуссиях с Черчиллем и британскими начальниками штабов Криппс, Иден и Бивербрук явно оказывались проигравшей стороной. И все же, их предвидение послевоенного внутри-британского и международного развития во многом оказалось верным.

Союз взял неверный старт, чему способствовали различные факторы. Русские вполне понятно, могли исходить только из перспективы конечной победы и поэтому выступали за долгосрочное сотрудничество. Англичане, прогнозируя скорое поражение СССР, ориентировались на краткосрочные тактические выгоды, которые, по их мнению, могла принести для них германо-советская война. Но за этими различными оценками перспектив войны стояли существенные стратегические и политические разногласия. В их основе лежали унаследованные из прошлого взаимная подозрительность и вражда. Действительно, как Советский союз, так и Великобритания вступили в вынужденную ассоциацию, рассматривая друг друга и как потенциального союзника, и как потенциального врага. Обе стороны не отказались от подозрительности на протяжении всей войны.

Политику Лондона по отношению к Москве обуславливало, прежде всего, стремление сохранить неизменными собственные стратегические принципы. Это подкрепилось мрачной оценкой шансов Советского Союза на выживание. Межведомственные разногласия не помешали британским начальникам штабов

разделить уверенность в необходимости усиления экономической блокады Германии при одновременном осуществлении отдельных боевых операций. После падения Франции в июне 1940 г. перспектива решающего фронтального удара по Германии предполагающего взаимодействие с континентальным союзником, отошла в тень. Несмотря на периодические тактические споры со своими начальниками штабов, Черчилль представлял защитником и глашатаем стратегии войны на периферии, которая подпитывалась его мечтой о великой Британской империи. Опираясь на эту концепцию, Черчилль стремился обеспечить и обезопасить британское присутствие в Египте, Сирии, Ираке и Иране, что гарантировало Англии доступ к Индии и контроль над жизненно важными сырьевыми ресурсами. Однако такая модель поведения означала в случае ее реализации, что средства стали целью. В британских планах конечной победой над Германией советскому союзу отводилось мало места. В основе расчетов Черчилля лежала вера в то, что в один прекрасный день американцы вмешаются в войну и решат исход борьбы в Европе, как это они сделали в 1917–1918 гг.

Советская стратегия была трёхмерной. Ее цель, прежде всего, состояла в том, чтобы дать отпор немцам и вернуть контроль над буферной зоной, которую СССР получил в 1939 г. Хотя эта цель высказывалась не кем иным, как Сталиным, о ней говорилось приглушенно ввиду ситуации, сложившейся в начале войны. К тому же Сталин вскоре понял, что американцы играют первостепенную роль, и потому не могут игнорировать решимость Рузвельта отложить территориальное урегулирование до окончания войны. Итоги первого месяца вооружённого противодействия фашистской агрессии убедили русских, что пораженческие взгляды Великобритании и ее решение продолжать вспомогательные операции на Среднем Востоке сделали второй фронт во Франции маловероятным. Как мы могли убедиться, Сталин поэтому не мог (вопреки трактовке Черчилля) настаивать на немедленной отвлекающей операции на континенте. Основная цель русских заключалась в осуществлении взаимодействия на Севере, что являлось необходимым условием для обеспечения коммуникации с Западом и гарантировало поступление грузов от союзников. Тактика русских, с переменным успехом применявшаяся ими в начале войны и продолженная

в 1942 г., сводилась к отказу от требования территориального урегулирования и второго фронта в обмен на поставки вооружения и снаряжения.

В период, непосредственно следовавший за германским вторжением в СССР, обе стороны могли похвастаться успехами в сфере политической дипломатии. Однако эти успехи, подобно ржавчине, разъели само основание рождавшегося союза. Словно забыв, то судьбы войны имеют тенденцию переменам, Черчилль настаивал на неизменности британской стратегии и преуспел в этом. Более того ему удалось изготовить эдакий стратегический шаблон и вынудить американцев придерживаться его вплоть до середины 1943 года.

